К. Д. Котельников

Котельников Константин Дмитриевич, аспирант II курса, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель – д.и.н., проф. А.В. Смолин

E-mail: KotelnikowK@mail.ru

КСЕНОФОБИЯ В БЕРЛИНЕ НАЧАЛА 1920-Х ГГ.: ФАКТОРЫ, ПРАКТИКИ И ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ЭМИГРАЦИЮ

В статье анализируются факторы распространения враждебных по отношению к иностранцам настроений в Берлине 1920-х гг., их проявления и роль в судьбе Русского Берлина. Большое количество прибывших в столицу Германии в начале 1920-х гг. беженцев и дельцов, использующих для обогащения германский экономический кризис, усугубляло проблемы обеспечения города. Реакцией стали антиинтеграционная политика берлинских властей и ксенофобия, которые отразились в прессе, повествовательных и изобразительных источниках русского происхождения. В 1923-1924 гг. значительное число русских покинуло Берлин, и одной из важных причин стала враждебность к иностранцам со стороны немецкого населения города.

Ключевые слова: Русский Берлин, русская эмиграция, ксенофобия, национализм, Веймарская республика, миграционная политика

© Котельников К. Д., 2018

K. Kotelnikov

Kotelnikov Konstantin Dmitrievich, 2rd year graduate student, Institute of History, St-Petersburg State University. Scientific advisor – Prof. A.W. Smolin. Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: KotelnikowK@mail.ru

XENOPHOBY IN BERLIN OF THE EARLY 1920-S: FACTORS, PRACTICES AND CONSEQUENCES FOR THE RUSSIAN EMIGRATION COMMUNITY

The article analyzes factors of pervasive hostility toward foreigners in Berlin of the early 1920-s, manifestations of these moods and their importance fot the Russian Berlin's fate. A large number of the refugees and dealers using the German economic crisis for enrichment, which arrived in the German capital in the early twenties, aggravated problems of providing the city. The anti-integration policy of the Berlin authorities and xenophoby was the reaction, which was also reflected by many Russian sources (periodicals, memoirs, literature etc.). In 1923-1924 a significant number of Russians left Berlin; the hostility to foreigners among the Berlin population was one of the important reasons for that outflow.

Keywords: Russian Berlin, Russian emigration, xenophoby, nationalism, Weimar Republic, migration policy.

****

Все раздражает, когда жизнь дорожает. И особенно это чувствуется во втором классе, где так называемая ксенофобия гораздо сильнее, чем в вагонах первого класса…[1]

Дон-Аминадо, 1926 г.[2]

[1]*Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. В.И. Коровина. М.: ТЕРРА, 1994. С. 368.

[2]Дон-Аминадо – русский поэт-сатирик А. П. Шполянский, эмигрировал в Европу в 1920 г.

Мировая война завершилась, но мирное время не принесло немецкому населению ни подлинного спокойствия, ни восстановления экономики. Период до 1924 г. характеризуется усилением кризисных явлений в экономике, ухудшением ситуации на столичном рынке труда и снижением уровня жизни. По мере того, как усугублялись экономические проблемы, распространялись среди берлинцев и враждебные по отношению к иностранцам настроения. Это происходило под влиянием ряда факторов, некоторые из которых стали особенно значительны в 1923 г., когда ксенофобия в Берлине достигла своего пика.

Иностранцев, которые испытали на себе недружелюбие немцев, в Берлине жило немало. Этот город был важной транзитной зоной. Тут лежали пути с Запада на Восток и с Востока на Запад для тысяч иностранцев, многочисленных эмигрантов и беженцев. Берлин тех лет был переполнен европейцами, американскими и скандинавскими торговцами, счастливыми обладателями валюты и бедными беженцами из Восточной Европы – восточноевропейскими евреями (Ostjuden)[3], поляками и русскими, венграми и румынами. Вследствие большого наплыва иностранцев усилилась конкуренция на жилищном рынке и рынке труда, ухудшалась криминогенная ситуация в городе. В 1922-1923 гг. количество иностранцев достигло пика, и в то же время своего апогея достиг экономический кризис. В результате носителями ксенофобии стали самые широкие слои населения, включая и группы, придерживающиеся самых демократических взглядов.

На усиление ксенофобии влияло несколько факторов. Конечно, нельзя не отметить унаследованные от военного времени и пропаганды предубеждения против иностранцев, а также унижение Версальского мирного договора. Но основные факторы сложились уже в послевоенное время. В первую очередь, в условиях кризиса иностранцы были особенно неприятными конкурентами. При этом речь шла об основных экономических и социальных благах – жилища, работа и даже продовольствие. Продовольственное положение оставалась долгое время после войны непро-

[3]Ostjuden - прежде всего, еврейские беженцы из Польши и Галиции, жители местечек, сохранявшие традиционный образ жизни, иудаизм и идиш. Русские евреи, жившие за чертой оседлости, такие как, напр., И.В. Гессен, считали себя принадлежавшими к русской культуре и русскому эмигрантскому сообществу в Германии и не воспринимались как Ostjuden. См.: *Будницкий О., Полян А.* Русско-еврейский Берлин (1920—1941) / Олег Будницкий, Александра Полян. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 79 – 81.

стым. В Берлине начала 1920-х гг. время от времени власти запрещали продажи взбитых сливок и других десертов, кофе был дефицитным товаром, сигары производились, как во время войны, из капустных листьев, а рейхсрат запретил изготовление пирожных из молока и молочных продуктов и использование при этом более 30% настоящей муки[4]. Учитывая многочисленность иностранцев, они действительно усложняли проблемы обеспечения города, и обозначенные сложности не были лишь благовидным предлогом для ксенофобии. По оценке регирунгсрата Вальтера Бартельса, начальника Фремденамта[5] берлинской полиции, в Берлине к лету 1923 г. проживало уже до 600 тыс. иностранцев[6], т.е. около 15% всего городского населения.

Жилищная нужда стала также одним из сильнейших факторов враждебности к иностранцам. В Берлин переселялись немцы, не находившие занятости в провинции. По данным прусского министерства внутренних дел, в 1920 г. около 80 000 семей в столице испытывали острую нужду в жилье[7]. Начавшаяся так называемая «распродажа Берлина» вызывала на этом фоне особенное раздражение: многие из прибывающих в Берлин иностранцев не просто занимали жилые помещения, но, имея валюту, покупали за бесценок у разорившихся немцев дома[8]. Власти были вынуждены на несколько лет запретить иностранным гражданам покупку крупной недвижимости в городе, опасаясь перехода всех домов в их руки. В результате бедствия инфляционного времени иностранное владение недвижимостью достигло высоких показателей: к 1926 25% всей берлинской недвижимости (около 25 000 домов) принадлежало иностранцам[9].

[4]Руль. 1921, 20 февраля, № 80.

[5]Fremdenamt – отдел по работе с иностранцами.

[6]Руль. 15 июля 1923, № 797.

[7]Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK). I HA Rep. 84a, N. 15, S. 153.

[8]Руль. 26 февраля 1922, № 390.

[9]Руль. 5 июня 1926, № 1672.

Карикатура берлинской газеты “Ulk” «Распродажа Берлина»[10] (1921 г.). Мистер “Moneymaker” из Нью-Йорка спрашивает, «сколько стоит Берлин».

Спекуляция и обогащение иностранцев за счет сильнейшей инфляции марки при обеднении немцев также вызывали протест и усиление ксенофобии. Русский эмигрант, офицер Юрий Галич вспоминал об этих днях: «Валютная вакханалия ширится с каждым днем. Тучи иностранцев, при-

[10] Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt), den 2. Dezember 1921, № 48.

влеченные необычайною дешевизной, слетаются в гигантский город со всех концов, представляя резкий контраст с обнищавшими немцами. Германия распродается оптом и в розницу»[11]. Так как в Берлине постоянно проживало до 100 тыс. русских эмигрантов[12], и их отношения с немцами ухудшались вследствие этих проблем. Один характерный пример: еще в 1921 г., когда русских было уже много, но еще не наступила гиперинфляция, крупная газета "Vossische Zeitung" писала о русских благожелательно[13]. В 1923 г. настроение меняется, и газета публикует статью о том, как и почему иностранцы (и, по мнению газеты, особенно русские) переполняют Берлин: «Но как это все возможно, откуда у них [русских] здесь деньги? […] Они приехали сюда, увидели побежденный народ, подавленный Версальским миром, и без малейшей сентиментальности делали то, что только и могли делать люли, желающие оставаться на верхушке: трезво и бессовестно спекулировать на постепенном обрушении немецкой марки. […] В Берлине довольно много людей, долго голодающих, но русских среди них нет» [14].

Другие европейцы и американцы вызывали то же раздражение. Даже демократическая газета «Ulk», (а она была из числа немногих, выступавших против ксенофобии) регулярно печатала карикатуры против иностранцев. Их персонажи – иностранцы, использующие несчастья Германии для обогащения, изображены рядом с берлинцами, борющимися за выживание.

---

[11] *Галич Ю.* Золотые корабли. Скитания. Рига: М. Дидковский, 1927. С. 290.

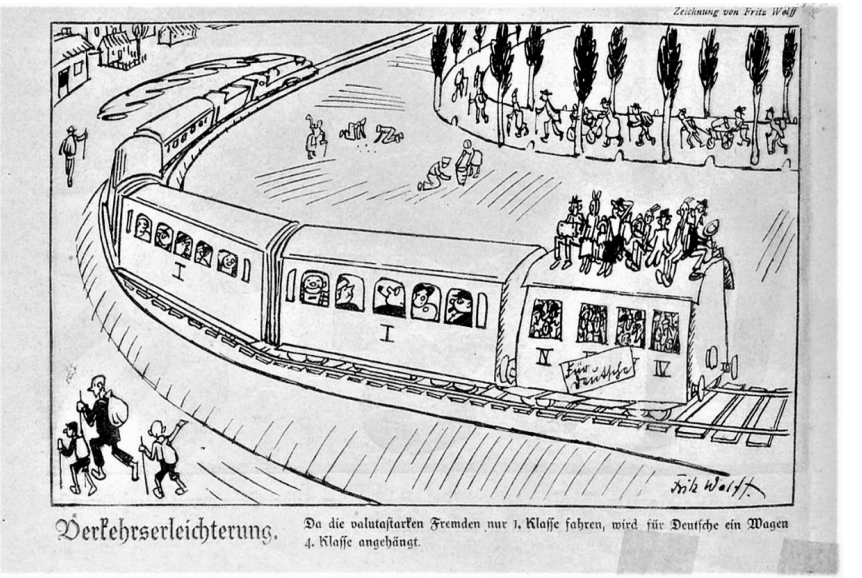
[12] GStA PK, I HA Rep. 77, Tit. 1811, Nr. 120. S. 70; эти данные о численности приводились и в прессе: см. Руль. 25 ноября 1920, № 8; Berliner Tageblatt, den 24. Dezember 1921.

[13] *Харина Н.А.* «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы). // *Жирков Г.В.* Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 149.

[14] Vossische Zeitung, den 13. Januar 1923, № 21.

Карикатура «Иностранцы в Германии»[15] (1922 г.). Подпись: «Очень интересно наблюдать, как этот интеллигентный народ борется за жизнь. Официант, еще коньяк!»

[15]Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt), den 15. September 1922, № 34.



Карикатура «Упрощение транспорта»[16] *(1922 г.). Подпись: «Так как богатые валютой чужаки ездят только первым классом, для немцев предназначен один вагон четвертого класса».*

Помимо совершенно легальной «распродажи Берлина» и валютной спекуляции иностранцы в глазах общества были источником усиления криминального мира. С одной стороны, это обуславливалось тем, что многие из них незаконно пересекали границы[17], для чего совершали коррупционные сделки, подделывали документы и т.д[18]. Это не значило, что все эти иностранцы были преступниками: неблагоприятные условия перехода границы побуждали и законопослушных мигрантов совершать правонарушения[19]. Историк К. Шлёгель отметил, какой эффект производит на общественное мнение знание о границе как пространстве нелегальных сделок: в результате гражданское общество склонно подозревать иностранцев в криминальной активности только потому, что они

[16]Ulk (Wochenbeilage zum Berliner Tageblatt), den 30. Juni 1922. № 24.

[17]Руль. 5 января 1922, № 345

[18]Руль. 27 мая 1922, № 463; 28 ноября 1922, № 608; 6 апреля 1924, № 1016.

[19]Голос эмигранта. 1921, Апрель, № 1.

иностранцы[20]. Однако, эти подозрения нельзя назвать беспочвенными. Так, полиция в июле 1923 заявляла, что количество иностранных воров в Берлине доходит до 10 000 (в основном из Галиции, Варшавы, Вены и Будапешта)[21]. Действовали в Берлине начала 1920-х гг. и грабители, фальшивомонетчики, в большом количестве мошенники[22], сутенеры и другие иностранные «специалисты». Русский журналист и общественный деятель И.В. Гессен вспоминал, что «громкие преступления, приписываемые иностранцу, оборачивались «суровым недоброжелательством» к иностранцам» [23].

Внешнеполитическое положение Германии в 1923 г. также оказывало влияние на формирование ксенофобии. Иностранцы воспринимались как угроза и виновники многих бед, исходивших и с Запада, где был оккупирован Рур и откуда доносились требования непомерных репараций[24], и с Востока - то есть от России, агитаторы которой подпитывали коммунистическое движение Германии[25].

Проблема переполненности города иностранцами была хорошо осознана прусскими чиновниками. В виду экономического положения казалось необходимым введение строгого контроля иностранцев в городе и политики ограничений в их отношении. Мероприятия по принуждению к исполнению правил регистрации, установление различных административных сложностей, трудовые, потребительские ограничения и иные меры против иностранцев принимались полицией, прусским министерством внутренних дел и другими ведомствами[26]. Миграционную политику тех лет можно назвать анти-интеграционной; целью ее было

[20]*Schlögel, K.* Planet der Nomaden. Pilsen: Oldenbourg Taschenbuch GmbH, 2006. S. 92.

[21]Руль. 31 июля 1923, № 810.

[22]Die Welt am Abend. den 1. März 1929, № 51.

[23]*Гессен И.В.* Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979. С. 208.

[24]*Пленков О.Ю.* Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб: Издательство «Владимир Даль», 2011. С. 223 – 228.

[25]*Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 262 – 267.

[26]GStA PK. I HA Rep. 77, Tit. 1176, Nr. 1 V Bd. 1; Bd. 2; GStA PK. I HA Rep. 77, Tit. 1814, Nr. 3; Nr. 4; Nr. 5; GStA PK. I HA Rep. 84a, Nr. 15.

стимулирование оттока оказавшихся в Германии иностранцев[27]. Например, немецкие биржи труда имели право не обслуживать иностранцев. По распоряжениям различных городских ведомств, для чужаков в два раза дороже было обучение в вузах[28], в два или три раза дороже жилища и пошлины за услуги государства, например, судебные[29]. Полиция регулярно совершала облавы (в ходе которых задерживала сотни людей) и грубые проверки документов[30]. Жертвами этих облав неоднократно становились и русские, нарушившие правила регистрации иностранцев в городе (Meldepflicht). Иногда происходили ситуации почти комичного характера. Например, 31 января 1922 г. полиция обыскала несколько ресторанов и задержала там много иностранцев, подлежащих за различные нарушения высылке. Как сообщила газета «Руль», «во время обыска в одном из ресторанов внимание агентов полиции обратила на себя телефонная будка, запертая снаружи висячим замком. Дверь была открыта: в будке оказался русский подданный, давно разыскиваемый полицией».[31]

Однако, только лишь облавы и другие государственные усилия вплоть до конца 1923 г. так и не оказались способны переломить ситуацию и вызвать ощутимое уменьшение присутствия иностранцев в Берлине. Несмотря на все связанные с мигрантами затруднения, берлинским властям приходилось терпеть присутствие русских, польских беженцев, восточно-европейских евреев - те не могли вернуться на родину (как правило, по политическим причинам). Так как немецкое население страдало от кризиса и переполненности города иностранцами, ксенофобия стала

[27] *Oltmer, J.* Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik. // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. / Hrsg. von J. Oltmer. IMIS-Schriften, Bd. 12. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2003. S. 85 – 122; *Oltmer, J.* Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 2005.

[28] Руль. 16 января 1924, № 946.

[29] *Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006.С. 388.

[30] Руль. 22 января 1922, № 360; 3 февраля 1922, № 370; 23 марта 1922, № 411; 11 мая 1922, № 450; 30 мая 1922, № 465; 11 июня 1922, № 475; 30 августа, 1922, № 532; 29 ноября 1922, № 609; 1 декабря 1922, № 611; 9 января 1923, № 641; 21 февраля 1923, № 678; 1 сентября 1923, № 838, и др.

[31] Руль. 3 февраля 1922, № 370.

повседневной практикой, притом ее проявления оставались практически без общественного порицания и происходили при осознании того, что государство в отношении к иностранцам также занимает недружелюбную позицию. Эти проявления враждебности были довольно разнообразными. В первую очередь, распространенным стало общее восприятие иностранцев как главных виновников текущих проблем. Иностранцы превратились в «козлов отпущения», удобный объект для недовольства, что создавало им дополнительные сложности при решении бытовых или деловых задач, таких как найм жилья или торговые операции. Сложившаяся ситуация нашла яркое отражение в стихотворении 1923 г. русского поэта-сатирика под псевдонимом Жак Нуар. Стихи обращены к воображаемой «фрау Шульц» и содержат такие строки:

«Фрау Щульц, у вас суровый профиль,
Вы порой глядите палачом.
Правда, снова вздорожал картофель,
Но, ей Богу, я тут ни при чём…»
«Фрау Шульц, мы с вами не герои,
И не нам пронзить судьбу мечем –
… Если сахар вздорожает втрое –
То, клянусь, что я тут ни при чём»[32].

Так как пребывание многочисленных иностранцев воспринималось как угроза, то дело доходило и до насильственных актов против них. Открытое насилие применялось против всех категорий иностранцев - евреев, поляков, китайцев, русских, американцев и др[33]. Известны и случаи словесной агрессии. Так, русский еврей, писатель И. Эренбург вспоминал, как его в одном из берлинских трамваев обозвали «польской собакой»[34]. Деятеля американской YMCA профессора Уиттмора, заботившегося о русских студентах, какой-то немец на улице сильно толкнул и назвал «проклятым иностранцем» (verfluchter Ausländer)[35]. Важно, что случившееся стало для Уиттмора «последней каплей» - после этого он

[32]*Нуар Ж.* Лицом к Берлину. Берлин: Издательство «Тритемисъ», 1924.

[33]*Oltmer, J.* Flucht, Vertreibung und Asyl im 19. und 20. Jahrhundert. S. 126 // IMIS-Beiträge, 20. Osnabrueck: Universitätsverlag Rasch, 2002. S. 107 – 134.

[34]*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга третья и четвертая. М., «Советский писатель», 1963. С. 22 – 23.

35*Чеботарев Г.* Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 - 1959 / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 355.

принял решение покинуть Германию. Подобные случаи немотивированной брани (нередко с использованием именно этой формулировки, «verfluchter Ausländer») отмечались и русской газетой «Руль»[36].

Распространенной практикой ксенофобии стала и экономическая дискриминация по национальному признаку как со стороны потребителей, так и прямых конкурентов иностранцев на рынке. Так, русский В. Андреев пытался продавать бытовую электротехнику, но «патриотически настроенные буржуа не покупали технику у иностранца»[37]. Противодействовали проникновению на немецкий рынок услуг иностранцев и немецкие врачи[38]. Подчас дискриминация практиковалась и деятелями культуры. Один интересный случай произошел еще в 1919 г., когда Союз немецких сценических деятелей донес полиции о русском театре «Голубой сарафан», работавшем без лицензии. Директор Союза сообщил в полицию, что «сегодня в Берлине работает три постоянных русских театра» и «стало известно, что эти сцены не имеют разрешений [на работу]». В этом директор Союза видел «большую угрозу для берлинских [немецких] театров». Председатель Союза немецких драматургов писал 15 ноября 1919 г. берлинскому полицай-президенту: «русский театр наносит тяжелый ущерб немецким. Поэтому мы просим запретить дальнейшую деятельность этого русского театра и не допускать основания новых»[39]. Для культурных кругов, довольно русофильских в то время, этот эпизод был скорее исключением, но случай весьма характерный. После настойчивых требований этих союзов и проверки театр закрылся, дав всего 4 программы, но успев снискать успех у публики[40].

Иностранцы, видя, какое сильное раздражение вызывает их присутствие и сталкиваясь с открытой ксенофобией, начали уезжать из Берлина[41] и все меньше приезжать[42]. Если в сентябре 1921 г. в Берлин приехало

---

[36]Напр., Руль. 7 сентября 1923, № 843.

[37]Цит. по: *Чередникова А.Ю.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005. С. 183.

[38]Руль. 4 июня 1921, № 164.

[39]Landesarchiv Berlin (LAB). A Pr. Br. Rep. 030-05. Nr. 930.

[40] Голос эмигранта. 1921, Апрель, № 1.

[41]Руль. 22 августа 1923, № 829; 1 ноября 1923, № 890.

[42]Руль. 6 ноября 1923, № 894.

более 127 000 иностранцев[43], то в декабре 1923 – менее 5000[44]. По оценке шефа Фремденамта В. Бартельса, высказанной им в феврале 1924 г., за несколько месяцев с конца 1923 г. Берлин покинуло до 40% русских[45]. Причиной этому была, конечно, и стабилизация марки, которая сделала жизнь в Германии менее выгодной для иностранцев. Но и ксенофобия играла большую роль. Комментируя отъезд многих своих коллег из Берлина, один из русских студентов сказал: «Понятие «иностранцев» в Германии унизительное; иностранец считается врагом»[46].

Важно, что русские, оставшиеся в Берлине, делали попытки исправить ситуацию. Русские газеты писали о необходимости борьбы с недоброжелательством и сближения с немцами[47]. Кроме того, выражалось понимание немецких проблем и вытекающей из них ксенофобии: «…если даже хозяева иной раз прикрикнут, не следует на них обижаться. Мы, русские, это понимаем и не обижаемся»[48]. Чтобы улучшить отношение к русским, некоторые благотворители помогали немецким фондам, заботящимся о бедных немцах. К сожалению, эти усилия не смогли оказать серьезное влияние на общественное мнение. Хотя после 1924 г. экономическое напряжение спало, гиперинфляция кончилась, а иностранцев стало меньше, ксенофобия еще оставалась частью массовой психологии. Так, в 1928 г. известный берлинский адвокат А. Клее заметил, что «инфляционная психология» еще жива, и враждебность к иностранцам (как ее элемент) тоже. Каждый иностранец воспринимается как «нежелательный»[49].

Таким образом, русские эмигранты оказались в Берлине в период неблагополучного экономического положения и переполненности города иностранцами, что вызвало распространение в городе ксенофобии и ее проявлений, в том числе агрессивных. В то же время некоторые вербальные выражение ксенофобии (например, нередко используемая формулировка «проклятый иностранец») и суждения русских эмигрантов об отношениях с немцами свидетельствуют, что враждебность берлинцев не была направлена специально против русских. Немцы, настроенные недружелюбно к иностранцам вообще, как правило, не придавали

[43]Руль. 5 октября 1921, № 269.
[44]Руль. 6 декабря 1923, № 914.
[45]Руль. 26 февраля 1924, № 981
[46]Руль.30 декабря 1923, № 933.
[47]Руль. 16 января 1923, № 647; Время. 5 декабря 1921, № 179.
[48]Руль. 20 января 1921, № 54.
[49]Руль. 4 февраля 1928, № 2186.

большого значение их конкретной национальности. Беженцы из России, как одна из многих групп иностранцев в Берлине, попали «под горячую руку» переживающих тяжелейший кризис государства и общества, что, в свою очередь, стало одной из важных причин сильного оттока русских беженцев из Германии с 1923 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920-1930-е гг. // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М.: Русский путь, 2006. С. 369 – 405.

Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920—1941) / Олег Будницкий, Александра Полян. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Вассоевич А. Л. Нацистская русофобия перед судом истории (К 65-летию завершения Нюрнбергского процесса) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени.2011. № 7. С. 73–90.

Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб: Издательство «Владимир Даль», 2011.

Харина Н.А. «Русский Берлин» (1921 – 1923 годы). // *Жирков Г.В.* Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 147 – 166.

Чередникова А.Ю. Повседневная жизнь российской эмиграции в Веймарской республике. // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2005. Вып. 1 / [отв. Ред. Н.Т. Энеева]. 2005. С. 176 – 200.

Шлёгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Oltmer, J. Flucht, Vertreibung und Asyl im 19. und 20. Jahrhundert. S. 126. // IMIS-Beiträge, 20. Osnabrueck: Universitätsverlag Rasch, 2002. S. 107 – 134.

Oltmer, J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 2005.

Oltmer, J. Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik. // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. / Hrsg. Von J. Oltmer. IMIS-Schriften, Bd. 12. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2003. S. 85 – 122.

Schlögel, K. Planet der Nomaden. Pilsen: Oldenbourg Taschenbuch GmbH, 2006.

REFERENCES

Bocharova, Z.S. *Uregulirovaniye prav rossiyskikh bezhentsev v Germanii v 1920-1930-e gg. [Right's settlement of the Russian refugees in Germany of 1920-1930th. In Russ.]* // Russkiy Berlin: 1920 - 1945: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenziya. [Russian Berlin: 1920 – 1945: International scientific conference]. / Edit. by L.S. Fleishman, & M.A. Vasilyeva. Moscow: Russkiy put', 2006. Pp. 369 – 405.

Budnitsky, O., Polyan, A. *Russko-evreyskiy Berlin (1920-1941) [Russian-jewish Berlin (1920 - 1941). In Russ.]* / Oleg Budnitskiy, Aleksandra Polyan. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013.

Plenkov, O. *Triumph mifa nad razumom (nemezkaya istoriya i katastrofa 1933 goda) [Triumph of myth over reason (the German history and accident of 1933). In Russ.]*. SPb: "Vladimir Dal'", 2011.

Kharina, N.A. *"Russkiy Berlin" (1921 - 1923 gody) ["Russian Berlin" (1921 - 1923). In Russ.]* // Zhirkov G. V.Zhurnalistika emigracii: istoki i problemy. [Emigration journalism: sources and problems]. SPb: SPbU (University press), 2003. Pp. 147 – 166.

Cherednikova, A.J. *Povsednevnaya zhizn' rossiyskoy emigracii v Veimarskoy respublike. [Everyday life of the Russian emigration in the Weimar republic. In Russ.]* // Problemy istorii Russkogo Zarubezhya: materialy i issledovaniya. [Problems of history of Russian Abroad: materials and researches] / RAS, Institute of World History. Moscow: Nauka, 2005. V. 1 / [edit. by N.T. Eneeva]. Pp. 176 – 200.

Shlögel, K. *Berlin, Vostochniy vokzal. Russkaya emigraciya v Germanii mezhdu dvumia voinami (1918 - 1945) [Berlin, East station. The Russian emigration in Germany between two wars (1918 - 1945). In Russ.]*. / Transl. from germ. by L. Lisyutkina. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004.

Oltmer, J. *Flucht, Vertreibung und Asyl im 19. und 20. Jahrhundert*. S. 126. // IMIS-Beiträge, 20. Osnabrueck: Universitätsverlag Rasch, 2002. S. 107 – 134.

Oltmer, J. *Migration und Politik in der Weimarer Republik*. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 2005.

Oltmer, J. *Schutz des nationalen Arbeitsmarkts: transnationale Arbeitswanderungen und protektionistische Zuwanderungspolitik in der Weimarer Republik* // Migration steuern und verwalten. Deutschland vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart. / Hrsg. Von J. Oltmer. IMIS-Schriften, Bd. 12. Göttingen, V&R unipress GmbH, 2003. S. 85 – 122.

Schlögel, K. *Planet der Nomaden*. Pilsen: Oldenbourg Taschenbuch GmbH, 2006.

Vassoevich A. L. Nacistskaja rusofobija pered sudom istorii (K 65-letiju zavershenija Njurnbergskogo processa) [Nazi Russophobia before the jugement of History (To the 65th anniversary of the completion of the Nuremberg process)], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2011. № 7. P. 73–90. (In Russian)